

ВЗГЛЯД НА «ВАРВАРОВ» В КОНФУЦИАНСТВЕ И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ КИТАЯ СО ВРЕМЕН КОНФУЦИЯ ДО ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ХАНЬ

Жэнь Сюе

В статье проанализированы основные аспекты отношения Конфуция и последователей его учения к «варварам» с момента зарождения конфуцианского учения до правления династии Хань. Научная новизна статьи заключается в увязке положений конфуцианской идеологии с практикой внешней политики Древнего Китая. Автором выделены статические и динамические аспекты отношения конфуцианцев к «варварам» и охарактеризованы основные концепции, отражающие позицию конфуцианских мыслителей по отношению к иностранцам: разделение мира на китайцев и прочие («варварские») народы, ассимиляция «варваров» и превращение их в китайцев, защита китайского государства от «варваров», объединение китайцев и «варваров» в одну семью. Сделан вывод о том, что на раннем этапе конфуцианское учение предполагало разделение китайцев и «варваров», но в последующем его постулаты были изменены в сторону большей открытости по отношению к внешнему миру, что привело к углублению противоречий и краху династии.

Ключевые слова: «варвар»; внешняя политика; династия Хань; Китай; конфуцианство.

«The View of “Barbarians” in Confucianism and its Impact on Chinese Foreign Policy from the Time of Confucius to the Han Dynasty» (Ren Xue)

The article analyses the main aspects of the attitude of Confucius and the followers of his teachings to «barbarians» from the moment of the origin of Confucian teaching to the reign of the Han Dynasty. The scientific novelty of the article lies in linking the provisions of Confucian ideology with the practice of foreign policy of Ancient China. The author points out the static and dynamic aspects of the Confucians attitude to «barbarians» and characterises the main concepts reflecting the position of Confucian thinkers in relation to foreigners: division of the world into Chinese and other («barbarian») peoples, assimilation of «barbarians» and their transformation into Chinese, protection of the Chinese state from «barbarians», unification of Chinese and «barbarians» in one family. The conclusion is made that at the early stage Confucian doctrine assumed the separation of the Chinese and «barbarians», but later its postulates were changed in the direction of greater openness to the outside world. The conclusion is made about the deepening of contradictions, which led to the collapse of the dynasty.

Keywords: «barbarian»; China; Confucianism; foreign policy; Han Dynasty.

Конфуцианство представляет собой величайший элемент культурного и философского наследия Китая. Оно сыграло большую роль в китайском государственном строительстве и оказало значительное воздействие на китайскую внешнюю политику.

Вопрос использования постулатов конфуцианства во внешней политике Китая и, в частности, в отношениях между Китаем и «варварами» нашел отражение в работах китайских ученых, таких как Дин Цзуюй [1], Линь Сяньцзянь [4], Ли Цзэхуо [5], Ма Дайчжэн [7], Сунь Един [11], Хэ Синьхуа [14], Хэ Фанчуань [15], Чэнь Линьго [17], Шао Фан [18], Шэн Хун [19]. По мнению директора Института эконо-

мических исследований Тяньчжи Шэн Хуна, конфуцианство, по сути, выступило в роли своеобразного нравственного кодекса международных отношений и в этом качестве сохранило актуальность и в последующие времена [19]. Преподаватель Аньхойского финансово-экономического университета Дин Цзуюй на основе анализа модели управления Китаем подчиненными государствами и народами сделал вывод о том, что идеи конфуцианства способствовали углублению их интеграции на региональном и глобальном уровнях [1, с. 89]. По мнению Хэ Фанчуаня, бывшего вице-президента Пекинского университета, использование конфуцианских установок правителями

Автор:

Жэнь Сюе — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: 2533206821@qq.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Ren Xue — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: 2533206821@qq.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Древнего Китая содействовало упорядочению отношений между китайцами и «варварами» [15, с. 37].

Повышенное внимание проблеме использования конфуцианских нарративов в отношениях Древнего Китая с «варварами» уделяли советские и российские ученые-китаеведы М. В. Крюков [2; 3], В. В. Малявин [6], Л. С. Переломов [9], Т. В. Степутина [10]. Они также отмечали, что конфуцианство оказало значительное влияние на внешнюю политику китайского государства в целом и на его взаимодействие с миром «варваров», хотя существенным образом не изменило установки на «китаецентричность».

В статье проанализировано влияние конфуцианских нарративов на отношения между китайцами и «варварами» с момента зарождения учения Конфуция до правления династии Хань. Цель статьи — оценка особенностей и результатов воздействия конфуцианства на отношения между китайцами и «варварами».

Китайцы называли свою страну Срединным Государством, и правители Китая полагали, что владеют центром мира, окруженным с четырех сторон землями «варваров» — «мань», «жун», «и», «ди» [6, с. 112]. Тем самым они отделяли аграрное общество от кочевого.

До появления учения Конфуция в китайской политике в отношении «варваров» стало использоваться понятие «добродетели» («дэ» кит. 德). В период правления династии Западная Чжоу возникла идея «великого единения людей», пребывающего под властью Сына Неба (т. е. правителя Китая). Очевидно, что к этому моменту китайцы уже осознали существовавшие между ними и «варварами» различия и необходимость защиты от «варварских» племен. Китайское государство было поделено на регионы, похожие на круги. Чем дальше регион находился от управленческого центра, тем слабее был контроль подвластных территорий со стороны государственного аппарата и меньше обязательств перед правителем несли вассалы. «Варвары» обитали в самом дальнем от центра круге, но китайские правители рассматривали их земли как часть собственного государства.

Конфуцианские мыслители унаследовали взгляды ученых древности по вопросу отношения к «варварам». По мнению китайского ученого Ли Цзэху, со времен Конфуция различие между китайцами и «варварами» является культурным, а не расовым понятием [5, с. 315], точнее разграничивается на основе принципа «ли», т. е. свода правил, этикета и ритуалов. Такой принцип разделения считался прогрессивным и рациональным.

Конфуций считал, что соблюдение правил «ли» важно для всех людей. Если даже у «варваров» «и» и «ди» есть свои правители, им никогда не сравниться со всеми «ся», лишенными правителей [9, с. 317]. Он общался с родоначальником даосизма философом Лао-

цзы, проживавшим в государстве Чу, которое формально относилось к государствам «варваров». Это доказывает, что Конфуций не считал образованного человека «варваром».

Китайский философ-конфуцианец Мэн-цзы также осознавал важную роль китайской культуры в отношениях Китая с «варварами». Он указывал, что правитель Шунь и чжоуский царь Вэнь Вань были «варварами», но смогли стать правителями Китая, поскольку приняли передовую китайскую культуру и стали использовать конфуцианские установки. Впрочем Мэн-цзы оставался приверженцем китаецентричных идей и высказывал мнение о том, что «варвары» всегда будут отсталыми народами. Он сравнивал голоса южных «варваров» со щебетанием птиц, высказывая пренебрежение к их культуре. Характеризуя племя «мо», Мэн-цзы отнес его к дикарям, сославшись на то, что «у них нет ни городов, ни крепостей, ни дворцов, ни домов, ни храмов предков, нет также обрядов поминания и жертвоприношений; нет у них ни владетельных князей, которым нужны шелка и ткани, ни яств для угощений и подарков; у них нет никаких чинов и управляющих» [8, с. 182].

Отношение другого философа-конфуцианца Сюнь-цзы к «варварам» было более прогрессивным. Он считал, что самосовершенствование, образование и практика «ли» позволяют любому человеку стать чистым и беспорочным [13].

Конфуцианские мыслители подчеркивали неоспоримое различие между китайцами и «варварами», но не рассматривали их как статичную и неизменную группу. Они полагали, что группы «варваров» динамичны и способны меняться. Если «варвар» следовал правилам «ли», он мог эволюционировать и стать китайцем.

По мнению Конфуция, народ «хуася», имеющий развитую культуру, должен был просвещать «варваров», чтобы защитить китайскую цивилизацию. Он предлагал ввести принцип «образования для всех», с помощью которого можно было разрушить границы между китайцами и «варварами» и приобщить «варваров» к китайскому образованию и культуре. Среди учеников Конфуция было много выходцев из «варварских» племен. Конфуций сам хотел поселиться среди «варваров» и считал, что там, где поселится благородный муж, должны исчезнуть грубые нравы [9, с. 366].

Мэн-цзы настаивал на том, что «варвары» всегда нуждаются в воспитании со стороны китайцев: «Я слышал о том, что народ хуася способствовал изменению поведения «варваров», но чтобы хуася менялись под влиянием «варваров», мне слышать не приходилось» [см.: 3, с. 151].

Сюнь-цзы считал, что различия в географическом положении и климатических условиях порождают дифференциацию в образе жизни

и обычаев у разных народов. Он предлагал сделать процесс китаизации «варваров» более гибким и индивидуально подходить к каждому из племен [12].

Конфуцианцы стремились к созданию идеальной модели управления Китаем, при которой «жители границ не могут устраивать заговоры против великих владений; пришельцы не могут сеять хаос среди процветающих стран» [16]. В контексте проявляемой «варварами» агрессии, порождаемой заинтересованностью в получении мгновенной выгоды, они исходили из необходимости защиты от них Среднего царства.

Конфуций призывал «уважать и защищать императора от варваров» («цзунь ван жан и», кит. 尊王攘夷). С его точки зрения, уважение к императору означало поддержание авторитета династии Чжоу и ее власти над вассальными государствами при соблюдении необходимых ритуалов («Чжоу Ли»). Изгнание «варваров» также являлось одной из форм проявления уважения к императору, поскольку способствовало объединению вассальных государств для противодействия вторжению «варваров» в Среднее царство.

С точки зрения конфуцианцев, если человек принимал и соблюдал правила «ли», он становился членом одной семьи и частью «великого объединения». Конфуций полагал, что мудрый правитель должен относиться к «варварам» и китайцам как к единому народу, и предлагал создать общество содружества («общество Да Тон», кит. 大同社会). Он утверждал, что если благородный человек почтителен и не допускает промахов, к людям относится с уважением и соблюдает ритуал, то он может найти братьев среди четырех морей [5, с. 281–282].

Разграничение мира на китайцев и «варваров» и идея о том, что все люди составляют одну семью, выглядели противоположными, но сводились к одному. В их основу было положено стремление ассимилировать «варваров» и превратить их в китайцев. Таким образом, идею объединения китайцев и «варваров» можно рассматривать как важный элемент укрепления связей между ними и как идеал, к достижению которого предлагали стремиться конфуцианские мыслители и который пытались реализовать на практике китайские правители.

В наибольшей мере идеи конфуцианства воплотились в жизнь в период правления династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) Значительный вклад в это внес философ Дун Чжуншу, который обновил конфуцианскую доктрину посредством включения в нее элементов даосизма, легизма и древнекитайской диалектики и связал власть императора с «мандатом Неба». Именно Дун Чжуншу убедил императора У-ди (правил в 141–87 гг. до н. э.) придать конфуцианству статус официальной идеологии.

Изменения затронули и политику в отношении «варваров». Ханьское правительство учредило специальные дипломатические протоколы для визита к императору правителей больших «варварских» племен «хунну» и «усуни». К примеру, вождям «хунну» при встрече с императором было разрешено пользоваться некоторыми преимуществами, а после аудиенции придворные чиновники провожали их в отведенные покои, выказывая свое почтение [14, с. 110].

Руководствуясь индивидуальным подходом, правители династии Хань относились к различным племенам по-разному. В отношении небольших государств проводилась политика силового подчинения, при выстраивании отношений с более крупными и влиятельными государствами — политика объединения для защиты от общей угрозы. Для усмирения «варваров» династия Хань применяла различные способы, в том числе заключение договоров «хэ цинь юэ», устрашение силой, принятие капитуляции, миграцию, уничтожение, выдачу титулов местным руководителям, снижение налогов и т. д. Для управления отдаленными районами были созданы различные органы власти — уезды (для управления гражданской администрацией и обороны приграничных районов), государственные аппараты подчинения (для управления внутренней миграцией приграничных народов), а в некоторых приграничных районах, где уездов не было, — специальные структуры, такие как «наместничество Сиюй» («Сиюй Духуфу», кит. 西域都护府 — наместничество Западного края, созданное для управления и контроля территории Сиюй) или «Генерал на Ляо» («ду-Ляо цзянцзунь», кит. 度辽将军 — генерал, командующий за пределами Ляо) [7, с. 7].

Особую роль играл договор «хэ цинь юэ» (договор о мире, основанный на родстве), который предполагал принятие правящей верхушкой «хунну» некоторых конфуцианских моральных ценностей. Осуществление этого договора на практике приводило к усвоению вождями «хунну» конфуцианского влияния и их постепенной китаизации [2, с. 366–367]. К примеру, переезд принцессы Чжаоцзунь из Китая в земли «хунну» привел к тому, что хуннуский шаньюй (правитель) предложил ханьскому императору передать ему полномочия по охране границ империи, избавив ханьских пограничных чиновников и солдат от этого бремени [14, с. 138]. Во время правления династии Хань правители Южного Вьетнама, «хунну» и Западного края (наместничество Сиюй) неоднократно присылали своих сыновей в качестве заложников династии. Прибывшим заложникам оказывали почести и предоставляли хорошие условия для жизни и обучения в столице. Они перенимали ханьскую культуру и поддерживали тесные и дружеские отношения с ханьским двором, играя положительную роль в установ-

лении и поддержании дружественных связей между властями «варварских» государств и имперским правительством, а также в развитии экономических и культурных обменов между Средним царством и «варварами».

Повышенное внимание уделялось образованию «варваров». Характер проводимой династией Хань политики соответствовал конфуцианским идеям об ассимиляции «варваров» и возможности получить доступ к образованию всем, независимо от происхождения.

Идея великого объединения народов появилась вследствие тенденции к централизации, расширению территории империи и укреплению связей между различными этническими группами страны. Императору У-ди удалось расширить свои владения на северо-западе благодаря победе в войне под руководством Вэй Цина, оттеснению кочевников и переносу ставки севернее пустыни Гоби. Путешествие китайского дипломата Чжан Цяня по западным областям способствовало объединению различных народов соответствующих территорий. Открытие Великого шелкового пути позволило земледельческим народам Среднего царства и кочевым народам севера установить тесные связи с помощью торговли, оплаты дани, миграции.

В правление династии Хань получила развитие идея уважительного отношения к «варварам». Дун Чжуншу утверждал, что мир принадлежит императору, а все люди, включая «варваров», являются его подданными [4, с. 23]. Несмотря на рост военных и административных расходов в империи, налоги для народов западных регионов не увеличивались. Правители династии Хань даже приняли специальный закон, предоставлявший «варварам» освобождение от налогов [18, с. 138].

Изменения затронули и сферу историографии. При династии Западная Хань этнические меньшинства впервые стали рассматриваться в качестве объекта исследования. К примеру, известный китайский историк Сыма Цянь категорически отказался приравнивать «варваров» к животным и раскрыл значение «варваров» (прежде всего «хунну») в истории китайской государственности [17, с. 38].

Еще одним новшеством, используемым династией Хань в отношении «варваров», стала система «цзими» (кит. 羈縻). Она представляла собой модель китайских административных единиц, созданных для иностранных правителей или вождей, которые либо были покорены военным путем, либо добровольно подчинились империи Хань. Стратегия «цзими» заключалась в том, что если «варвары» нападали, их отбивали, если они покидали места своего проживания, их не преследовали, если они приходили с данью, с ними обращались вежливо. Во времена династии Хань система «цзими» была внедрена преимущественно в местах проживания «хуннов» и «усуней» [17, с. 38].

Разработанная система выплаты дани являлась результатом развития стратегии «цзими». Правящая династия предлагала материальное вознаграждение «варварским» племенам за защиту границ и благосклонно относилась к тем, кто исправно платил дань. Благодаря конфуцианству и его идее «ценить мораль и не переоценивать прибыль», а также политике «щедро одаривать вассалов и принимать их скромные подношения» считалось, что доброжелательное отношение и праведность стоят на первом месте и существует возможность одержать победу над «варварами» без пролития крови [11, с. 32]. Китайские правители рассматривали дань не как способ обогащения, а как моральную ценность, элемент ритуала. Китай старался показать преимущества системы данничества не только «варварам», но и соседним земледельческим странам с конфуцианским мировоззрением, таким как Корея или Вьетнам. Тем самым, Китай стремился создать гармоничную и отвечающую конфуцианским постулатам вассально-сюзеренную систему международных отношений в Восточной Азии.

Следует, однако, отметить, что правители империи Хань далеко не всегда выступали в качестве последовательных приверженцев конфуцианских установок при развитии отношений с «варварами». К примеру, император У-ди отменил практику признания формального равенства «варваров», которая сложилась при его предшественниках. При обращении к «варварам» он не использовал формулировки вежливости и добивался от них безоговорочного изъявления покорности, включая одностороннее направление заложников [10, с. 270—271]. Представители ханьского императора требовали, чтобы «варвары» кланялись императорским дарам (такой случай, к примеру, произошел при общении ханьских дипломатов с «усунями») [10, с. 272]. Соответствующие установки не способствовали укреплению дружественных отношений между Средним царством и «варварами». Давление с их стороны на империю Хань продолжалось и привело к ее военному и политическому краху.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Конфуцианство сыграло значительную роль в государственном строительстве и культурном развитии Китая. Основоположники конфуцианского учения являлись сторонниками «китаецентричного» мира. Они отделяли китайцев от «варваров», но выступали против использования исключительно силовых методов давления на них и допускали возможность выстраивания с «варварами» конструктивных отношений (и даже объединения в «великую семью») при условии приобщения их к китайской культуре с последующей китаизацией. В случае отказа иноземцев приобщиться к китайской культуре предполагалась защита от них любыми доступными способами.

2. Воздействие конфуцианства на внешнюю политику Китая усилилось во время пребывания у власти династии Хань, когда оно получило статус официальной идеологии Китайской империи. Ханьские правители попытались применить конфуцианские установки на практике, используя различные способы: специальные административные структуры, формы ритуала, договоры о «мире, основанном на родстве», династические браки, данническую систему (в том числе «цзими»). Взаимодействие с «варварами» стало более дифференцированным.

3. Использование конфуцианских установок сделало китайскую политику в отношении «варваров» более гибкой, чем в предшествующие времена, однако не избавило от «китаецен-

тричности» (как было отмечено выше, к этому не стремились даже основоположники учения). Поддержание чувства этническо-культурной исключительности у жителей Среднего царства и направленность на китаизацию других народов придавали политике империи Хань в отношении «варваров» черты непоследовательности. Ханьские правители не воспринимали «варваров» равными себе и рассматривали их как своих вассалов. Достигая тактических успехов в развитии отношений с соседними народами и государствами, они лишали политику в отношении соответствующих народов и государств стратегической глубины. Сохранение и углубление противоречий между Средним царством и миром «варваров» предопределило кризис и исчезновение империи Хань.

Список использованных источников

1. Дин Цзуюй. Жу цзя вэн хуа хэ чжун го вай цзяо = Конфуцианская культура и китайская дипломатия / Дин Цзуюй // Журн. Цзянсу. ун-та радио и телевидения. — 2006. — № 2. — С. 89–93 (на кит. яз.).
2. Крюков, М. В. Древние китайцы: проблемы этногенеза / М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. — М., 1978. — 344 с.
3. Крюков, М. В. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия / М. В. Крюков // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе / М. В. Крюков; отв. ред. Ю. В. Бромлей. — М.: Наука, 1982. — С. 147–163.
4. Линь Сяньцзянь. Дун чжун шу хуа и чжи бянь сы сян тань си = Анализ мыслей Дун Чжуншу о различии между Китаем и варварами / Линь Сяньцзянь // Журн. Хэншуй. колледжа. — 2009. — Т. 11, № 2. — С. 23–27 (на кит. яз.).
5. Ли Цзэху. Лунь юй цзинь ду = Современная интерпретация Лунь Юй / Ли Цзэху. — Аньхой: Аньхой. изд-во лит. и искусства, 1998. — 462 с. (на кит. яз.).
6. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. — М.: Апрель: АСТ, Издат.-продюсер. центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. — 632 с.
7. Ма Дайчжэн. Чжун го гу дэй дэ бянь цзян чжэн цэ юй бянь цзян чжи ли = Пограничная политика и управление в Древнем Китае / Ма Дайчжэн // Запад, исследования. — 2002. — № 4. — С. 1–15 (на кит. яз.).
8. Мэн-цзы / предисл. Л. Н. Меньшикова; пер. с кит., указ. В. С. Колоколова; под ред. Л. Н. Меньшикова. — СПб.: Петербург. востоковедение, 1999. — 272 с.
9. Переломов, Л. С. Конфуций: «Лунь Юй» / Л. С. Переломов. — М.: Вост. лит. РАН, 1998. — 588 с.
10. Степугина, Т. В. Древний Китай / Т. В. Степугина // Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке / В. А. Якобсон [и др.]. — М.: Наука, 1987. — С. 214–273.
11. Сунь Ецин. Цян тань ли ин сян ся дэ бо лай хоу ван = Краткое обсуждение политики в отношении вассалов под влиянием системы обрядов / Ецин Сунь // Акад. биржа. — 2007. — № 1. — С. 32–34 (на кит. яз.).
12. Сюнь-цзы. Чжэн Лун = Сюнь-цзы. Основная теория [Электронный ресурс] // Электронный проект «Тексты китайской философии». — Режим доступа: <<https://ctext.org/xunzi/zheng-lun/zhs>>. — Дата доступа: 11.09.2023 (на кит. яз.).
13. Сюнь-цзы [Электронный ресурс] // ABIRus. — Режим доступа: <<https://www.abirus.ru/content/564/623/625/647/836/11101.html>>. — Дата доступа: 21.09.2023.
14. Хэ Синьхуа. Чжун го вай цзяо ши (цзу ся чжи цзин) = История китайской дипломатии (от Ся по Цин). Т. 1 / Хэ Синьхуа // Пекин: Китай. экон. изд-во, 2017. — 445 с. (на кит. яз.).
15. Хэ Фанчуань. Хуа и чжи сюй лунь = О порядке китайцев и «варваров» / Хэ Фанчуань // Журн. Пекин. ун-та. — 1998. — № 6. — С. 30–45 (на кит. яз.).
16. Цзочжуань [Электронный ресурс] // Guoxue.com. — Режим доступа: <<http://www.guoxue.com/book/cqzz/0011.htm>>. — Дата доступа: 01.09.2023 (на кит. яз.).
17. Чэнь Линьго. Лунь чжун го гу дай минь цзу гуань дэ син чэн хэ фа чжань = О формировании и развитии этнических концепций в Древнем Китае / Чэнь Линьго // Журн. Пекин. пед. ун-та. — 1995. — № 1. — С. 36–42 (на кит. яз.).
18. Шао Фан. Да и тун сы сян ся дэ минь цзу цзы чжи чжэн цэ = Политика в отношении этнических автономий в рамках идеологии Великого объединения / Шао Фан, Тан Си // Цзяньхуай. форум. — 2015. — № 1. — С. 135–141 (на кит. яз.).
19. Шэн Хун. Жу цзя дэ вай цзяо юань цзэ ди ци дан дэй и и = Конфуцианские принципы дипломатии и их современная актуальность / Шэн Хун [Электронный ресурс] // Вэн хуа цзун хэн = Культура Цзунхэн. — Режим доступа: <<http://www.21bcr.com/project-post/ruiadewaijiaoyuanzejiqidangdaiyiyi/>>. — Дата доступа: 01.09.2022 (на кит. яз.).

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2023 г., доработана в сентябре 2023 г.